

Оправдательные приговоры способны возродить веру в справедливость

НЕПОДСУДЕН

Убийца в погонах

Темной октябрьской ночью 2004 года на автобусной остановке в Чебаркуле обнаружили труп мужчины. Избили несчастного так, что на теле живого места не было. Экспертиза констатировала: смерть Ильина наступила от кровоизлияния с последующим отеком головного мозга. Возбудили уголовное дело по статье 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» и стали искать виновного. Распросили людей, и те вспомнили, что вроде бы в той заварушке мелькали военные. Допросили оперативники троих патрульных Чебаркульского гарнизона, солдат-срочников Арсена, Рустама и Наиля. Те честно признались, что 8 октября были очевидцами драки, которую устроили гражданские лица у магазина «Кока-кола». Но в конфликте они не участвовали, а сразу вернулись в казарму.

Виновных так и не нашли, и уголовное дело кочевало от одного следователя к другому. Через месяц на допрос вновь вызвали тех же патрульных, но парни лишь подтвердили прежние показания. Прошло полгода, и 17 марта 2005 года в деле появляется протокол, из которого следует, что убийцу наконец-то отыскали. Рустам, один из патрульных, заявил следующее: в ту ночь шел дождь, и, спасаясь от холодного ливня, они втроем забежали под крышу остановочного комплекса «Строитель». Арсен Ашракаев повздорил с незнакомым штатским, набросился на него и избил до смерти.

Служивцы заметили, что из милиции Рустам вернулся сам не свой: почти ни с кем не разговаривал, стал замкнутым и вскоре решил на крайность — пытался покончить жизнь самоубийством. Арсен и не догадывался о душевных муках своего товарища, к тому времени срок его службы закончился, и он вернулся на родину в село Кизляр Моздокского района Северной Осетии.

Чтобы поставить точку в следствии, необходимы были показания второго патрульного — Наиля. К тому времени он тоже демобилизовался, но его отыскали, доставили к следователю, и появилось еще одно признание. Наиль утверждал, что именно Арсен избил гражданского. На основании протоколов 30 марта 2005 года Арсен Ашракаев был обвинен в убийстве и взят под стражу. С самого начала он отрицал вину, клянясь, что никогда не был на той злосчастной остановке и никого пальцем не трогал. Но опера привыкли к таким «сказкам»: они-то знают — редко кто из убийц оказывается благородным и сразу «раскалывается».

Меж тем следствие шло своим чередом: показания необходимо было закрепить. Закрепили. Как и полагается, с участием понятых выехали на место происшествия. В бумагах зафиксировали, что Рустам «провел участников следственного действия от магазина «Кока-кола» до той самой остановки «Строитель» и показал, как Арсен избивал парня.

Штатские следователи работу выполнили. Но коли в деле фигурируют хоть и бывшие, но солдаты срочной службы, то обвинительное заключение передали в военную прокуратуру Чебаркульского гарнизона. Все документы чин-чиняром прошиты, оформлены в соответствии с требованием Уголовно-процессуального кодекса. И какой смысл следователям военной прокуратуры делать повторную работу и все перепроверять? Дело отправили в Магнитогорский военный гарнизонный суд, но судья вернул его на дополнительное расследование. В общей сложности папки этого уголовного дела полгода кочевали по кабинетам. Все это время Арсен томился в СИЗО.

КОЛЛАЖ ИРИНЫ ЖУРАВЛЕВОЙ

Судебное следствие

Уголовное дело по обвинению Арсена Ашракаева рассматривал судья Магнитогорского военного гарнизонного суда Алексей Сеньков. Процесс проходил не только в стенах кабинета. Алексей Александрович решил провести судебное следствие и выехал на место происшествия в Чебаркуль. Согласно статье 287 УПК РФ, «осмотр местности и помещения проводится судом с участием сторон, а при необходимости с участием свидетелей, эксперта и специалиста». Чем было вызвано такое решение? «Поскольку доказательства основывались на показаниях двоих свидетелей, мне самому хотелось увидеть место преступления и убедиться, действительно ли маршрут патруля пересекался с тем участком, на котором был обнаружен потерпевший», — говорит Алексей Александрович. Судебное следствие установило, что в тот злосчастный день практически в одно и то же время в разных концах города произошли две потасовки. Одна драка случилась недалеко от магазина «Кока-кола», другая — на остановке «Строитель». Были найдены участники «магазинной» драки, которые оказались живы и здоровы, а вот кулачный бой на остановке «Строитель» закончился гибелью Ильина. Сей факт можно объяснить недоглядом, следственной промашкой. Но как можно было закрыть глаза на то обстоятельство, что магазин находится на одном конце города, а остановка — на другом? В судебном следствии принимал участие и военный комендант Чебаркульского района, который в своих первоначальных показаниях объяснил, что остановочный комплекс «Строитель» в маршрут движения военного патруля не входит.

Однако у обвинения осталось еще два сильных козыря — двое свидетелей. Но бывшие солдаты давно де-

мобилизировались и разъехались по домам. Нередко на процессе оглашают показания свидетелей, данные во время следствия. «Законом установлено, что неявка в суд возможна только по уважительной причине, а именно: тяжелой болезни, пребывании за границей, участии в боевых действиях», — подчеркивает Алексей Сеньков. — Более того, необходимо согласие двух сторон. В данном случае сторона защиты возражала. Сторона обвинения не могла доставить свидетелей, но это их обязанность». В конце концов, доставили. Рустам повторил свои первоначальные показания: драку видели, но сразу ушли в казарму. На остановку «Строитель» не ходили, потерпевшего в глаза не видели, Арсен никогда не избивал.

В таком случае зачем же он оговорил невинного? Рустам признался, что на него оказали давление сотрудники милиции Чебаркуля: «Угрожали применением физического насилия. Опасаясь за свое здоровье, я вынужден был дать ложные показания». Не верить его словам нет оснований: именно после того допроса с пристрастием он пытался свести счеты с жизнью.

А как быть с его показаниями на месте происшествия? Ведь проводились они по всем правилам с участием понятых. В протоколах зафиксировано следующее: «От магазина «Кока-кола» свидетель провел участников следственного действия до остановки «Строитель». В суд были вызваны понятые, которые проявили картину «проверки»: оказывается, их доставили на место происшествия в автомобилях. Свидетель находился в одной машине, они — в другой. Выходит, стражи подстраховались и, предвидя конфуз, «подсказали» место происшествия.

Второй свидетель Наиль заявил, что вопросы сыпались на его голову не один час. Как указано в про-

токоле: не с восьми до девяти вечера, а с 16 до 23 часов. «Сотрудники милиции, — читаем в приговоре, — угрожали ему задержанием, не давали воды, не пускали в туалет, требуя подписать протокол о причастности Ашракаева к избиванию мужчины». Но ведь свидетельские показания перепроверял следователь военной прокуратуры Крылов. По этому поводу Наиль заявил, что следователь лишь предложил подтвердить показания, в которых он обвинял Ашракаева. Полагая, что Крылов прибыл с милицией, Наиль, убоившись, подписал готовый протокол. Тот же Крылов рекомендовал ему не являться в суд. Следуя его совету, Наиль не реагировал на повестки, скрывался от судебных приставов, пока те не доставили его в зал суда принудительно.

Основываясь на показаниях свидетелей, судья признал протоколы допросов недопустимыми доказательствами. К таковым были отнесены и протоколы осмотра трупа и места происшествия. Если верить документам, осмотр производил следователь Федотов с участием эксперта. Однако участковый милиционер Л. Прутов заявил суду, что на место происшествия он прибыл с двумя оперуполномоченными, ни эксперта, ни следователя не было. «По травмам видно, — говорил участковый, — что потерпевшего пинали несколько человек. Опросили мы кого могли, погрузили тело в машину и увезли в морг». Получается, в протоколе указано неверное время осмотра трупа. А раз так, то и время наступления смерти, которое определил эксперт, тоже можно подвергнуть сомнению.

Необходимо назвать еще одно обстоятельство, которое доказывает, что свидетельские показания добыты с нарушением закона. Рустам, видимо, по подсказке умной «следственной» головушки говорил, что

под крышу остановки их загнал дождь. Судебное следствие получило ответ на запрос от метеостанции Миасса, согласно которому с 20 часов 8 октября до 8 часов 9 октября в Чебаркуле «наблюдалась облачная погода без осадков». В деле имелись и другие следственные ошибки.

Цена ошибки

Местные жители нелюбезно отзывались о потерпевшем: Ильин злоупотреблял спиртным. Его представителем на суде выступал социальный работник. Мать так и не отыскала, по слухам, родительница тоже ведет далеко не праведный образ жизни. На процессе присутствовал отец подсудимого, который приехал в Магнитку из Северной Осетии. Представьте его состояние, когда судья произнес: «Оправдать Ашракаева по предъявленному обвинению... в связи с непричастностью к совершенному преступлению... Из-под стражи освободить в зале суда. Признать за Ашракаевым право на реабилитацию».

Как определить размер компенсации морального вреда, нанесенного следственными органами? Юристы высчитывают его, исходя из моральных страданий невинного человека. Но разве можно найти денежный эквивалент оговору, унижению, обиде, крушению веры в справедливость, пребыванию в тюремной камере? Оказывается, можно. Например, Страсбургский суд ограничивает стоимость человеческих страданий 40000 евро. Российское правосудие устанавливает свою цену, которую еще надо обосновать. Маловероятно, что Ашракаев станет добиваться этой самой компенсации. Один из моих знакомых заметил, что подобные ошибки встречаются бы много реже, если бы компенсацию выплачивало не государство, а те, кто, зарабатывая очередную галочку, упорно выдавал «следственный» брак.

До последнего времени оправдательные приговоры были довольно редким явлением, и не потому, что следствие работало без ошибок. Несколькими годами назад в том же Магнитогорском гарнизонном военном суде вынесен оправдательный приговор одному из солдат, которого обвиняли в убийстве девушки. Тело обнаружено на чердаке. Согласно следственным протоколам, преступники втащили жертву на чердак по пожарной лестнице. Судья выехал на осмотр места происшествия, и оказалось, что от земли до этой лестницы около трех метров. Предложил судья одному из оперов допрыгнуть. Тот попытался. После осмотра обвинение «развалилось». Есть и противоположный пример. Признали парня виновным в убийстве. На процессе адвокат, доказывая абсурдность обвинения, просила судью осмотреть место происшествия и воочию убедиться, что пути-дорожки подсудимого и жертвы просто не могли пересечься. Более того, десятков свидетелей утверждали, что в тот вечер парень просто физически был не в состоянии производить какие-либо действия: пьян был до неменяемости. Не снизошла представитель Фемиды до осмотра места преступления, во всем полагаясь на следствие, вынесла обвинительный приговор.

Что же касается приговора по чебаркульскому делу, то Алексей Сеньков без ложного пафоса произнес: «Установить истину — наша задача». Все верно. Но над обвинительным заключением трудился целый коллектив юристов, а их выводы опроверг лишь один. Искренне считаю, что судья проявил профессионализм и гражданское мужество.

ИРИНА КОРОТКИХ.

Имена свидетелей изменены. Автор благодарит Магнитогорский гарнизонный суд за предоставленный материал.